

Агон
"Балет"

24.04.1999
Александр
ГАБТ

Новые известия. 1999 — 24 апр. — с. 7

Андрэ Данс, для «Новых Известий»

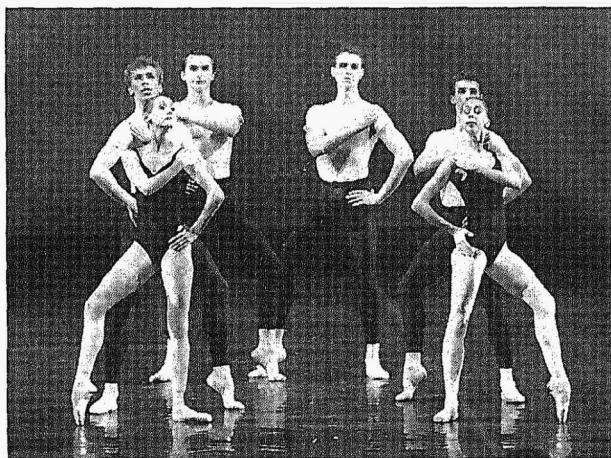
Баланчин в Большом

Премьера триады балетов Джорджа Баланчина на сцене Большого театра — прежде всего политическая победа нынешнего курса ГАБТа. Впрочем, состоялась премьера лишь двух балетов — «Агон» и «Симфония до мажора», потому как «Моцартиана» уже два года присутствует в репертуаре главного театра России. В прежние времена, когда в Большом безраздельно господствовал драмбалет (в особенности под патронажем Юрия Григоровича), балет «Белый», как принято среди эстетов и балетоманов именовать баланчинский жанр, появиться просто не мог. Теперь может. Премьера ожидалась с огромным интересом, тем более что для участия в ней были собраны все ведущие силы Большого, а постановки осуществлялись последней музой Баланчина, в прошлом ведущей солисткой его труппы Сюзен Фарелл (она ставила «Агон», и «Моцартиана» тоже ее спектакль) и Джоном Тарасом (он осуществлял перенос на московскую сцену «Симфонии до мажора», которому принадлежат права на спектакли Баланчина. «Симфония» будет идти на сцене Большого лишь три года).

Действо открылось «Моцартианой», главные партии в которой исполнили Нина Ананишвили и Сергей Фалин. Примадонна, кстати, воспитывалась в традициях баланчинского репертуара, и кому же, как не ей, и быть звездой одного из самых замечательных балетов великого мастера. Их паде-де, исполненное не только пошленного профессионализма, но и тончайшего изыскания, стало центральным фрагментом этого удивительного спектакля.

Жемчужины вечера, бесспорно, была «Симфония до мажора». Однако до нее публике представили додекафонический балет Игоря Стравинского «Агон».

Баланчин еще в ранней молодости не чуждался проявлений модернистского искусства, одним из самых видных представителей

Сцена из балета «Агон».

которого в России были балетный гений Касьян Голейзовский, чьи спектакли, показанные в начале 20-х в Петрограде, оказали на молодого Георгия Баланчивадзе нешуточное влияние. С тех пор в его душе боролись две страсти — к искусству классическому и современному. При постановке «Агона» он отдал дань второму. Основной балета (в переводе с греческого «agonia» — соревнование, битва) должен был стать один из древнегреческих мифов. Однако Баланчин одновременно мечтал сохранить музыку к сюите придворных французских танцев XVII века, а потому «Агон» вполне миниатюра в духе барокко и рококо. Сам Баланчин признавался, как трудно было сочинить танец на такую музыку. Балетмейстер говорил:

«...произведения Стравинского невозможно иллюстрировать движением; необходимо стремиться к созданию такого танца, который послужил бы дополнением к его музыке». «Агон» действительно стал соревнованием, всеобщим состязанием, в котором принимали участие и сам композитор, и Баланчин, и дирижер, и танцов-

щики. «Агон» вернулся на родину его постановщика, вернулся с таким же успехом, с каким был представлен впервые в 1957 году. Московская публика бесконечно долго приветствовала блистательный дуэт Ирины Петровой и Дмитрия Белоголовцева.

Затем была «Симфония до мажора» или «Хрустальный дворец» — четырехчастный классический балет на музыку Жоржа Бизе, одно из самых ранних и малоизвестных его произведений, которое стало знаменитым благодаря Баланчину.

«Этот балет — музыка, которую танцуют» — таков афоризм Баланчина, его дань собственному прошлому и великому прошлому Санкт-Петербурга. Ныне «Симфония до мажора» идет на сцене петербургской Мариинки и московского Большого. В Мариинке балет танцуют в цветных костюмах, в Большом спектакль решен в черно-белом варианте, что лишь на первый взгляд может показаться странным, «невыигрышным», но на самом деле подчеркивает индивидуальность каждого исполнителя. «Симфония» — это как бы ретроспекти-

ва жизни и творчества Баланчина и его искусства. Тут и воспоминания о труппе Мариинки дореволюционной поры (Георгий Баланчивадзе начинал в ней), и рефлексии на темы Русского балета в Монте-Карло, в котором он работал несколько лет в 30-е, тут и память о работе с Сергеем Дягилевым и его Балетом.

«Симфония» была впервые поставлена в Париже для ведущих артистов Гранд-Опера (до этого Баланчин уже работал с прославленной труппой над «Аполлоном», «Пощелуем феи» и «Серенадой»). Премьера состоялась летом 1947 года, а уже спустя семь месяцев спектакль занял свое место в репертуаре баланчинской труппы «Нью-Йорк сити балле». Вторая часть «Симфонии» ставилась в Париже специально для прославленной русской балерины Тамары Тумановой. В Москве эту партию танцевала Нина Ананишвили (в северной столице — столь же прославленная, но совсем другая Ульяна Лопаткина). Партнер Ананишвили — Андрей Уваров. Вообще, «Симфония» в Большом — это букет молодых знаменитостей. В центре первой части — Надежда Грачева, напоминающая царственную движений великую Марину Тимофеевну Семенову. В центре третьей — Николай Цискаридзе. По мнению некоторых критиков, это едва ли не лучшая партия молодого премьера Большого театра. Четвертую часть балета украшает дуэт Анны Антоничевой и Дмитрия Белоголовцева.

И несколько слов о кордебалете. Его партия здесь так же стремительна, сложна и насыщена действием, как и партии солистов. Известный московский критик Вадим Гавейский назвал «Симфонию» Баланчина «симфонией движения, симфонией бега». Именно эта «спортивность» куда ярче отразилась в версии Большого, чем в спектакле Мариинки, как всегда, ориентирующейся на традиции и аристократизм.

ИТАР - ТАСС, АЛЕКСАНДР КОСИНЕЦ